

«обличительной этнографии». И эта кампания закончилась столь же стремительно, как и началась, оставив нам своеобразное свидетельство религиозной жизни этой северокавказской республики.

10 ноября 1954 г. ЦК КПСС выносит постановление «Об ошибках в проведении научно-атеистической пропаганды среди населения», в котором заявляет: «ЦК КПСС располагает фактами, свидетельствующими о том, что за последнее время в научно-атеистической пропаганде среди населения в ряде мест допускаются грубые ошибки. Вместо развертывания систематической, кропотливой работы по пропаганде естественнонаучных знаний и идейной борьбы с религией в отдельных центральных и местных газетах, а также в выступлениях некоторых лекторов и докладчиков допускаются оскорбительные выпады против духовенства и верующих, отправляющих религиозные обряды» и т.д.

14 ноября это постановление публикуется в «Социалистической Осетии», и на несколько лет тема борьбы с религиозными пережитками для редакции газеты снова становится неактуальной.

Библиография

Васильева О. Государственно-церковные отношения хрущевского периода // Vittorio. Международный научный сборник, посвященный 75-летию Витторио Страды. М. 2005.

***

¹ СО, 13 июня 1954. По-видимому, информация о готовящемся постановлении распространялась заранее. Еще в марте отделами пропаганды и науки совместно была подготовлена записка на имя Хрущева «О крупных недостатках в естественно-научной, антирелигиозной пропаганде» (Васильева 2005: 290).

² СО, 11 августа 1954

³ Цаголов В. Свет науки против тьмы религии. В Алагирском районе слабо ведется научно-атеистическая пропаганда // СО, 26 октября 1954.

Прищепова В.А.

ИЗЖИВАНИЕ РЕЛИГИИ СРЕДИ ЖЕНЩИН-МУСУЛЬМАНОК СРЕДНЕЙ АЗИИ В ФОТОМАТЕРИАЛАХ 1920-1930 ГГ.

Ряд фотографий из собраний МАЭ 1920 — 1930-х гг. посвящен одному из главных в политике советского государства вопросу — «женскому». На различное положение мужчин и женщин в восточном об-

ществе всегда обращали внимание европейские наблюдатели. Однако изменить за короткий срок, без учета специфических особенностей в культуре населения экономический и социальный статус женщины, ориентированной на религиозные обычаи, вызвать у мусульманки протест против тысячелетних традиций во внутрисемейных отношениях, вовлечь ее в общественно-политические процессы и в производство было очень сложно.

С первых лет после 1917 г. советская власть приступила к жесткой модернизации среднеазиатского общества. В связи с возросшими производственными потребностями, понадобилось увеличение количества рабочей силы. Это, в свою очередь, сделало необходимым принудительное вовлечение женщин в трудовую деятельность. По образному выражению социолога И. Тартаковской, разница между эмансипацией на Западе и Востоке состояла в том, что в первом случае она досталась в результате упорной борьбы, а во втором равенство прав давалось «в нагрузку» к социальным переменам (Тартаковская 1997: 104).

Политика по активизации женщин реализовывалась посредством создания первых правовых норм, которые формально обеспечивали равноправие мужчин и женщин. Для практического осуществления этой задачи при городских и районных партийных комитетах были организованы женские отделы (советы). В города и кишлаки Средней Азии направляли русских коммунисток, знакомых с местными традициями, которые агитацией вовлекали узбечек, таджичек, туркменок в общественную жизнь, объясняя им, что главным условием начала новой жизни является их участие в общественно-производительном труде. Эти исторические перемены отражены в материалах фотоколлекций МАЭ.

На групповом снимке 1923 г. «Первый женский съезд» узбечки привычно кутаются в большие платки, хотя лица их открыты (МАЭ. Колл. И-1906-103). Одной из форм организации работы среди женщин было проведение делегатских собраний, конференций и съездов, на которых обсуждались вопросы повседневности, ликвидации неграмотности, уничтожения обычая ношения *паранджи*. На многих экспедиционных снимках 1920–1930-х гг., на которых зафиксировано проведение политических праздников, нельзя не заметить их организаторов — мужчин — в шинелях, либо присутствие в толпе местных женщин русских активисток.

Одним из первых воспитательных мероприятий по вовлечению женщин в общественную жизнь было открытие специальных женских школ или курсов ликбезов. Для заинтересованности женщин государство оказывало им некоторую социальную помощь в виде различных льгот. Ликбезы сначала действовали в городах, в 1923–1924 гг. их стали организовывать в кишлаках и аулах.

На снимке «Колхозная школа в колхозе “Кзыл-Амач” за длинным столом, склонившись над учебниками, сидят молодые женщины (МАЭ.

Колл. И-1906-114). Они в парандже темного цвета, но волосяная сетка, закрывавшая лицо, откинута вверх. Лица женщин открыты, но смотрят они с испугом, осторожно выглядывая из-под паранджи. Женщины одеты в теплые халаты с длинными рукавами и в платки, которыми прикрыли нижнюю часть лица.

Особое значение в участии местных женщин в общественной жизни придавалось организации празднования 8 марта. Один из снимков называется «Президиум митинга, посвященного Международному женскому дню, в областном центре Памира г. Хороге. 1932 год» (МАЭ. Колл. И-1902-210). В 1920-е гг. отдаленный труднодоступный областной центр Хорог был кишлаком с двухтысячным населением, но и туда приезжали партийные работники, занимаясь агитацией и раздавая населению долгосрочные ссуды.

На фотографии женщины шугнанки в накинутых больших платках или покрывалах, в национальной одежде — широких и длинных платьях и халатах. Они держат транспарант с текстом арабской вязью и ниже по-русски «Да здравствует политико-экономическое и правовое раскрепощение женщин Востока». Реформирование арабской письменности и замена ее латинским алфавитом проводилась в регионе с конца 1920-х гг. Однако, фотодокументальные данные показывают, что в начале 1930 — гг. в шугнанском языке сохранялась арабская письменность.

В фондах МАЭ хранится еще одна фотография, сделанная в то же время, «Праздник 8 марта. Группа памирских женщин на митинге в областном центре — Хороге. 1932 г.». Внизу под снимком указано еще одно его название: «8-е марта на “Крыше Мира” / Памир» (МАЭ. Колл. И-1902-207). На фотокадре изображена многочисленная группа шугнанок. Высоко над ними установлен тот же транспарант, присутствуют те же активистки, что и на предыдущем снимке.

Эти фотографии были сделаны на Памире, где женщины никогда не закрывали лица в отличие от женщин оседлого населения и по сравнению с ними были более свободны в поведении. В музее хранится снимок 1935 г., на котором таджички Сталинабада участвуют в демонстрации по случаю очередной годовщины революции 1917 г. (МАЭ. Колл. И-1902-208).

В руках у них транспаранты с текстом латиницей на таджикском языке и по-русски «Привет вождю — Тов. Сталину», знамена, портреты руководителей государства. В первых рядах стоят женщины, за ними — мужчины. По всей видимости, их собрали на демонстрацию организаторы мероприятия, которые на снимке выделяются европейской одеждой. Участники праздника на фотографии получились серьезными, непонимающими происходящего.

Фотокадр «Работницы шелкомотальной фабрики на демонстрации 1-го мая. г. Сталинабад, 1936 г.» зафиксировал женщин, человек двадцать, с плакатом-растяжкой с приветствием на двух языках.

Празднование 8 марта, которому предшествовали собрания местных женщин, организованные приезжими коммунистками, особенно активно проходило в 1920-е гг. На протяжении нескольких лет в этот день среди местных женщин устраивали сбрасывание и сжигание *паранджи*. Подготовка к массовому срыванию этой уличной головной накладки велась движением за женское равноправие в течение десяти лет. С 1927 г., пропаганду и агитацию за окончательное уничтожение *паранджи* проводили под лозунгом «*худжума*» — наступления на старый быт. В 1927–1928 гг. в Бухарской, Ферганской и других областях прошли митинги, организованные женсоветами, на которых сжигали все виды женских покрывал. Такое административное решение «женского вопроса» вызвало резкую реакцию в мусульманском обществе вплоть до убийства нескольких тысяч женщин.

В фондах МАЭ хранятся фотографии этих лет участников басмаческого движения и сценки торжественных похорон местных активистов, убитых классовыми врагами (МАЭ. Колл. 4527 — 164–168). В результате трагических последствий многие женщины были напуганы и вновь надели *паранджу* (Горшунова 2006: 52–54), что отражено на фотографиях конца 1930-е гг.

На снимке 1932 г. на многолюдной площади Ленибада (Ходжен-та) раскинулся базар, на котором в ряд сидят несколько женщин в *парандже* (МАЭ. Колл. И-1902–94). В середине кадра находится группа мужчин, среди них одна женщина в этом уличном костюме. Со спины видны ложные рукава одежды. На фотографии 1937 г., сделанной в г. Ош, показан узбекский клуб, устроенный в старом городе из помещения бывшей мечети, около которого находятся мужчины в национальных костюмах и женщина в *парандже* (МАЭ. Колл. И-1903–176). На снимках 1931 г. женщины в этой накидке посещают мазар Ходжа Абды Дарон (МАЭ. Колл. 4527–173–175, 179).

Фотоматериалы 1930-х гг. показывают, что в этот период времени в некоторых районах Средней Азии местные женщины вернулись к ношению *паранджи*. Период возвращения к использованию этой части женского национального костюма был недолгим. Процесс эмансипации женщин заметно ускорился с началом Второй Мировой войны, когда женщинам пришлось заменить в производственной сфере мужчин, ушедших на фронт. Однако, в музейных коллекциях документально зафиксирован факт как бы обратного хода истории, когда хоть и на короткий промежуток времени женщины оседлого населения вновь стали носить *паранджу*.

Библиография

Горшунова О. В. Узбекская женщина. Социальный статус, семья, религия. М. 2006.

Тартаковская И. Социология пола и семьи. Самара. 1997.